

Лэй Чжэнь ещё раз серьёзно напутствовал:

— Цзыхань, скорее всего, находится рядом с этими двумя, поэтому во время операции будьте особенно внимательны. Хунфэй, повторяю: Антино и Хайнца нам нужны живыми. Какой бы яростной ни была обстановка на месте, ты не должен действовать сгоряча. Помни: Цзыхань пошёл на смертельный риск, чтобы выманить их и покончить с ними разом. Я знаю, вы с Цзыханем лучшие друзья, поэтому ты не должен обесценить ту цену, которую он заплатил.

Лэй Хунфэй твёрдо ответил:

— Не беспокойся, папа.

Лэй Чжэнь посмотрел на него, потом вдруг отбросил командирскую суровость и мягко сказал:

— Сынок, дядя Лин очень тяжело переживает. Ты должен вернуть Цзыханя. Живым или...

Лэй Хунфэй отрезал решительно:

— Будь спокоен, папа. Я во что бы то ни стало спасу Цзыханя.

— Отлично. И ещё запомни: в ходе всей операции личность Цзыханя должна оставаться в тайне. Даже своим бойцам ничего не говори. Сейчас он — просто китайский журналист, один из заложников.

— Понял, — громко ответил Лэй Хунфэй.

Лэй Чжэнь глубоко посмотрел на него и произнёс:

— Молния в небе.

Лэй Хунфэй встал по стойке «смирно», отдал честь и чётко ответил:

— Вперёд без страха.

Лэй Чжэнь, удовлетворённый, ответил на приветствие и вышел.

Вскоре военный вертолёт растворился в ночном небе.

Спокойствие Лэй Хунфэя пошатнулось. Он с силой ударил кулаком в стену, и голос его сорвался на сдавленную дрожь:

— Цзыхань... прости... прости... Я был не прав... Ошибался... Дай мне шанс... Дай сказать тебе это в лицо... Умоляю... Держись... Дождись меня... Цзыхань, умоляю... только не умирай... Не умирай...

Его глухой, сдавленный шёпок тихо отдавался в тишине маленькой комнаты.

— Можешь звать меня Антино.

Под ласковыми солнечными лучами бледный итальянец улыбнулся и протянул ему руку.

Лин Цзыхань с усилием поднял руку и пожал её. Ладонь была холодной и слегка дрожала, выказывая крайнюю слабость. Антино сжал её, пытаясь передать своё тепло.

Хайнцу показалось, что рукопожатие затянулось. Он протянул руку, мягко взял кисть Антино и, почти незаметно, отвёл её. Затем с улыбкой сказал Лин Цзыханю:

— Антино — наш главный учёный.

Лин Цзыхань кивнул. Выражение его лица оставалось отстранённым, будто он утратил всякий интерес к происходящему.

Антино — распространённая итальянская фамилия. Возможно, этот Антино был не главой, а просто врачом, а настоящий лидер — его отец или брат. Это следовало выяснять постепенно, исподволь, а не спрашивать напрямую.

Он снова повернул голову, глядя в сторону рыбацких лодок на горизонте, словно видел рядом своих товарищей, и от этого на душе стало не так одиноко. Он тихо улыбнулся и закрыл глаза.

Антино чувствовал, что состояние Лин Цзыханя очень плохое — не только физически, но и морально он был подавлен. Для следующих этапов эксперимента это было крайне нежелательно. Подумав, он мягко сказал:

— Джонни, расскажи мне о своей любви.

Лин Цзыхань открыл глаза, надолго задумался, затем безразлично вымолвил:

— Да и рассказывать-то нечего. Мы встретились в путешествии, полюбили друг друга. Через какое-то время выяснилось, что наши привычки и интересы совершенно несовместимы, и ни один не готов меняться. Он красивый, очень любит материальные блага, работает белым воротничком высокого полёта в городе, большой знаток стиля. А я... я больше ценю духовное, не люблю города, часто бываю в разъездах, в дикой природе, к материальному равнодушен. Виделись мы редко. Сначала терпели, старались уступать... потом просто устали. Как-то я вернулся из командировки, а у него уже появился кто-то новый. Тогда я и ушёл. Вот и всё. — Он закончил свой сухой рассказ, и кажется, стал выглядеть ещё более измождённым.

Антино внимательно смотрел на него, слегка наморщив лоб. Подумав, он сказал Хайнцу:

— Джонни устал. Отведи его отдохнуть.

Хайнц улыбнулся:

— Хорошо. — И махнул рукой.

Сразу же подошли двое людей в чёрном и увели Лин Цзыханя.

Лин Цзыхань проспал целые сутки. За это время несколько врачей по очереди проверяли его состояние приборами, убедившись, что реанимация не требуется, и только тогда отстали.

Когда он наконец проснулся, дверь тихо открылась. В комнату вошли Джек и Оуян Хаошэн.

— Вы оба китайцы, можете поболтать, — улыбнулся Джек. — Джонни, взбодрись, ничего страшного, ты справишься.

Лин Цзыхань молча посмотрел на него. Взгляд был пустым.

Джек нажал кнопку на стене, изголовье кровати слегка приподнялось, чтобы тому было удобнее лежать, после чего вышел.

Оуян Хаошэн сел на край кровати и с участием спросил:

— Как ты, сынок?

Лин Цзыхань слабо улыбнулся:

— Немного устал.

Оуян Хаошэн взглянул на его осунувшееся, слегка впалое лицо, на глаза, полные усталости, и невольно тихо вздохнул:

— Что же они с тобой сделали, что за несколько дней ты так изменился?

Лин Цзыхань горько усмехнулся:

— Ставят на мне опыты.

Оуян Хаошэн изумился:

— Какие опыты? Только не говори, что вроде тех, что в «Отряде 731»?

Лин Цзыхань на мгновение закрыл глаза и тихо сказал:

— Почти что.

Сразу же с потолка раздался голос Антино, холодно произнёсший по-английски:

— Джонни, не сравнивай мои передовые эксперименты с примитивными поделками японцев столетней давности. Это оскорбительно.

Оуян Хаошэн и Лин Цзыхань не удивились. Изучение китайского давно стало мировой модой, так что тот понимал язык — неудивительно.

Дождавшись, когда Антино закончит, Оуян Хаошэн проигнорировал его и продолжил спрашивать Лин Цзыханя:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, — мягко ответил Лин Цзыхань.

Оуян Хаошэн улыбнулся:

— На четыре года старше моего сына.

— Правда? — настроение Лин Цзыханя, кажется, немного улучшилось. — Как поживает ваш сын?

— Ничего, учится в Цинхуа, в этом году заканчивает, — голос Оуян Хаошэна был бархатистым и приятным. — Когда закончит учёбу, думаю начать с низов, пусть поработает. А уж сможет ли потом стать самостоятельным — это от его способностей зависит.

Лин Цзыхань улыбнулся:

— Конечно, сможет. У храброго отца не бывает трусливого сына.

— Не факт, — Оуян Хаошэн протянул руку и поправил ему растрёпанные волосы. — Ты поел?

— Аппетита нет, не хочется, — Лин Цзыхань слабо улыбался. — Кажется, моя пищеварительная система уже не работает.

Оуян Хаошэн с жалостью посмотрел на него:

— Всё равно нужно стараться есть, чтобы поддерживать силы. Как бы ни было, держись, ни в коем случае не сдавайся.

Лин Цзыхань подумал и тихо сказал:

— Тогда, пожалуй, я выпью немного каши.

Вскоре принесли чашку с лёгким и вкусным супом из ласточкиных гнёзд.

Оуян Хаошэн взял чашку и принялся кормить его с ложки.

Лин Цзыханю было тяжело глотать, но он изо всех сил доел всё. Затем вежливо сказал:

— Спасибо, господин Оуян.

— Да не стоит. Буддисты говорят: сто лет вместе копить, чтобы в одной лодке плыть. То, что мы встретились в таком особенном месте, — редкая судьба, — Оуян Хаошэн поставил пустую чашку, мягким полотенцем вытер ему рот, заодно протёр лицо и руки, и только тогда облегчённо улыбнулся.

У Лин Цзыханя всё время темнело в глазах, голова раскалывалась от боли, а мягкая подушка казалась железной плитой. Он из последних сил терпел и с беспокойством спросил:

— С вами-то они хорошо обращаются?

Оуян Хаошэн кивнул:

— Вполне вежливо, не обижают.

— И хорошо, — Лин Цзыхань, казалось, успокоился и, не в силах больше держаться, закрыл глаза. — Господин Оуян, я что-то устал... хочу немного поспать...

Оуян Хаошэн поспешил поправить ему одеяло и ласково сказал:

— Спи, спи, хорошенько отдохни.

Лин Цзыхань пробормотал:

— Господин Оуян... вы сможете приходить каждый день, поговорить со мной? А то я по ночам... кошмары снятся...

Оуян Хаошэн опешил. Это было не в его власти. Он помолчал, затем мягко сказал:

— Постараюсь.

Лин Цзыхань, казалось, успокоился и постепенно погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/16287/1468677>